

ЗАМѢТКИ

по поводу послѣднихъ изслѣдованій о «Русско-Шведской войнѣ 1808—1809 гг.».

(Продолженіе ¹).

Выяснивъ въ предыдущей статьѣ историческое недоразумѣніе съ русской декларацией, «касательно настоящаго положенія сношеній нашихъ съ Стокгольмскимъ дворомъ» — которая *изъ простаго правительственнаго сообщенія* была «изобрѣтательно» признана ультиматумомъ, мы невольно подошли къ роковому въ исторіи войны 1808—1809 г. вопросу: не маскировалъ ли миролюбивый текстъ деклараціи того «*въроломства*», о которомъ повѣствуютъ шведскіе историки, разбирая «*настоящее* (съ шведской точки зрѣнія) положеніе дѣлъ» и наше «*неожиданное* (будто бы) нападеніе».

Въ виду того, что этотъ деликатный вопросъ въ полной мѣрѣ разрѣшается не разсмотрѣніемъ обстоятельствъ, которыми отмѣчались наши приготовленія къ «*нѣкоторому предпріятію къ движенію*», а даже простымъ хронологическимъ перечнемъ послѣднихъ, то мы таковымъ и ограничимся.

До 14-го января 1808 г. никакихъ распоряженій, какъ нами уже было доказано ранѣе, безусловно не дѣлалось. Съ этого же

¹) См. «Военный Сборникъ» № 3.

дня военныя приготовленія на границѣ шведской Финляндіи хотя и стали производиться, но послѣднія, однако, сопровождаются слѣдующими характерными особенностями:

1) Графъ Буксгевденъ, какъ главнокомандующій, находится въ С.-Петербургѣ до 29-го января включительно ¹⁾ и только къ 1-му февраля прибываетъ въ Фридрихсгамъ, гдѣ и «приступаетъ къ исполненію именного Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго 24-го января ²⁾».

2) Только 1-го февраля графъ Буксгевденъ производитъ на мѣстѣ «исчисленіе, что продовольствовать должно—34,387 чел. и лошадей—строевыхъ и артилерійскихъ—5,068 и подъемныхъ—1386», причемъ тогда же приводитъ въ извѣстность «запасы» и, опредѣливъ «недостающее», возбуждаетъ ходатайство «о подвозѣ туда (Фридрихсгамъ и Нейшлотъ) въ февралѣ мѣсяцѣ по зимнему пути: овса—24,072 четв., сѣна—92,551 пудъ, вина—15,145 ведеръ и говядины 8,975 пудовъ».

3) Только 1-го февраля графъ Буксгевденъ, разобравшіи «обширныя обстоятельства» на мѣстѣ, проситъ освободить его отъ заботъ полевого интенданта, ходатайствуя «о причисленіи къ войскамъ такого провіантскаго генерала, который могъ (бы) подъ его руководствомъ, не теряя времени, приступить къ транспортированію продовольствія и къ расчетамъ въ деньгахъ, за перевозъ потребныхъ, съ соблюденіемъ казеннаго интереса».

4) Только 1-го февраля графъ Буксгевденъ «предписываетъ старшему при войскахъ по артилеріи г.-м. Аракчееву о учрежденіи подвижнаго артилерійскаго парка».

5) Только 1-го февраля графъ Буксгевденъ убѣдился, что «17-я дивизія столь малочисленна въ людяхъ, что по сформированіи двухъ баталіоновъ (изъ) каждаго полка, назначеннаго къ движенію, не болѣе какъ человекъ 800 состоятъ во оныхъ будетъ, а *третьи баталіоны, остающіеся до сформированій отъ полковъ существуютъ только единственно въ званіи*, ибо не болѣе въ каждомъ остается какъ человекъ 40, и тѣ—слабые и больные, которыхъ нельзя взять съ собою»,—почему и покорнѣйше проситъ

¹⁾ Арх. канц. военн. мин., секр. отд., 1808 г. д. № 3/79. См. отношеніе военнаго министра графа Аракчеева отъ 3-го февраля 1808 г. за № 328 (л. 157 на оборотѣ).

²⁾ Тамъ же. Всепод. рапортъ графа Буксгевдена отъ 1-го февраля за № 51. Въ этомъ же рескриптѣ были преподаны «въ руководство» подробныя правила довольствія «корпуса войскъ по выступленію за границу». О послѣдующихъ пунктахъ 2—4-мъ см. въ томъ же рапортѣ за № 51.

военнаго министра графа Аракчеева, «употребить всѣ возможные мѣры къ скорѣйшему укомплектованію дивизіи ¹⁾».

б) Только 16-го января 1808 г. устанавливается порядок сношенія графа Буксгевдена съ военнымъ министромъ графомъ Аракчеевымъ, въ рукахъ котораго, какъ единаго докладчика Государю, по Высочайшей волѣ признано было нужнымъ сосредоточить «всю переписку» ²⁾, причемъ графъ Аракчеевъ тогда же сообщилъ ³⁾, что «теперь ожидаетъ увѣдомленія его сіятельства (т. е. графа Буксгевдена)», между прочимъ, и на такіе вопросы ⁴⁾:

а) «Въ чемъ нужно Вамъ содѣйствіе мое (т. е. графа Аракчеева)»?

б) «(Каковы) исчисленія о суммахъ, на какіе именно предметы сколько Вамъ потребно?»

в) «Въ какомъ состояніи корпусъ войскъ, Вамъ вѣренный, и ежели чего недостаетъ, то какими удобнѣйшими средствами пополнить предполагаете?»

7) Только 16-го января «выкомандированная пѣхота 5-й дивизіи» поступаетъ «въ точную команду» графа Буксгевдена съ повелѣніемъ «слѣдовать куда онъ предпишетъ» ⁵⁾, причемъ 19-го января, въ виду «большаго некомплекта», указано было полкамъ «отправиться по назначенію» ⁶⁾ только двумя совершенно комплектными баталіонами ⁷⁾.

8) Только 20-го января отдается повелѣніе «приготовиться къ выступленію въ походъ по первому приказанію» всѣмъ полкамъ 1-й дивизіи и 4-мъ полкамъ 14-й и 21-й дивизій, находившимся въ С.-Петербургѣ и окрестностяхъ, причемъ и этимъ четыремъ некомплектнымъ полкамъ предписывается «составить полки въ два только баталіона» ⁸⁾.

¹⁾ Въ томъ же дѣлѣ. Отношеніе графа Буксгевдена отъ 1-го февраля № 99.

²⁾ «Кромѣ случаевъ, гдѣ потребно донесеніе Его Императорскому Величеству».

³⁾ Въ указанномъ дѣлѣ № 3/79 см. отношеніе отъ 16-го января 1808 г. № 8.

⁴⁾ Мы умышленно предварительно привели выше факты, имѣвшие мѣсто за недѣлю до перехода границы, а здѣсь отмѣчаемъ факты за три недѣли до этого перехода, дабы рельефнѣе отбѣнить такъ называемыя приготовленія къ войнѣ.

⁵⁾ Въ томъ же дѣлѣ, см. отношеніе графа Аракчеева отъ 16-го января № 10. Полки, какъ указано было ранѣе, находились въ районѣ: Гатчина—Ропша—Петербургъ.

⁶⁾ На границу шведской Финляндіи, куда полки прибыли послѣ 5-го февраля 1808 г.

⁷⁾ Арх. канц. воен. мин., секр. отд. 1808 г., дѣло № 8/83. Отношеніе графа Аракчеева отъ 19-го января 1808 г. № 53.

⁸⁾ Въ томъ же архивѣ, 1808 г., дѣло № 9/84. Отношеніе отъ 20-го января 1808 г., № 72.

9) Только 21-го января отдается повелѣніе «всѣ пѣхотные полки 6-й дивизіи отправить къ С.-Петербургу» ¹⁾, причемъ ко 2-му февраля выясняется, что и эти полки должны выступить только «двумя комплектными баталіонами» и что «ранѣе 5 февраля» съ мѣста нынѣшняго пребыванія (раіонъ Минскъ—Орша—Вилейка—Старый Быховъ—Борисовъ) тронуться не можно», а прибыть къ С.-Петербургу возможно лишь къ 14—20 апрѣля ²⁾.

10) Только къ 19—25 января были назначены «подъ начальство» графа Буксгевдена чины инженернаго корпуса и квартирмейстерской части, генераль-квартирмейстеръ инженеръ-генераль фанъ-Сухтеленъ и командированы чины по комисаріатской и провіантской частямъ, а къ 1-му февраля назначены и послѣдніе чины тѣхъ же категорій, которые могли прибыть на сформированіе *импровизированныхъ штабовъ* почти наканунѣ выступленія ³⁾...

Думается, что и этого перечня главнѣйшихъ приготовленій къ «предпріятію» вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что краснорѣчивые разговоры о «войнѣ со Швеціей» не находятъ документальнаго подтвержденія, а наоборотъ, вызываютъ сильное сомнѣніе въ основательности ихъ...

Мы уже неоднократно подчеркивали, послѣдовательно разбирая различныя военныя мѣропріятія и дѣлавшіяся съ августа 1807 г. распоряженія, что Императоръ Александръ I «въ праведномъ негодованіи» принималъ мѣры исключительно «противъ поведенія англичанъ» и даже *въ февраль 1808 г. указывалъ на возможность «предстоящей между Россіей и Англіей войны»*. При такихъ условіяхъ возможно ли предполагать, что «*секретное соглашеніе съ Англіей могло существовать*»? По нашему мнѣнію, обоснованному на фактахъ,—*безусловно нѣтъ*, что особенно подтверждается и нашимъ правдивымъ правительственнымъ сообщеніемъ 10-го февраля 1808 г., здравый смыслъ котораго невозможно было вытравить даже искаженнымъ переводомъ деклараціи.

¹⁾ Въ томъ же архивѣ, 1808 г., дѣло № 10/85. Отношеніе отъ 21-го января 1808 г. № 105. Полки впоследствии вошли въ составъ дѣйствующей арміи.

²⁾ Въ томъ же дѣлѣ. Рапортъ начальника 6-й дивизіи отъ 25-го января 1808 г. за № 322 съ подробнымъ донесеніемъ о состоянн полковъ, о выступленіи въ походъ и проч.; рапортъ былъ полученъ въ С.-Петербургѣ 2-го февраля.

³⁾ Въ томъ же архивѣ, 1808 г. дѣло № 3/79. Всепод. рапортъ ген.-квартирмейстера инженеръ-генерала Сухтелена отъ 19-го и 25-го января 1808 г.; Высочайшій рескриптъ на его же имя отъ 25-го января 1808 г.; отношеніе отъ 25-го января 1808 г. № 190; см. также и списки всѣмъ чинамъ на лл. 84—87.

Утвержденіе г. П. А. Ниве, что «*рѣшеніе начать войну* (со Швеціей) *созрѣло у Императора Александра окончательно къ зимѣ 1807—1808 и.*», какъ свидѣтельствуютъ неопровержимые факты, совершенно произвольно и, видимо, высказано подъ вліяніемъ шведскаго тенденціознаго освѣщенія событій 1807—1808 гг. и толкованія дипломатическихъ разговоровъ. Повторяемъ, что указанные выше факты совершенно не подтверждаютъ «*созрѣвашаго рѣшенія начать войну со Швеціей*», а наоборотъ, къ февралю 1808 г. окончательно обозначилась повелительная необходимость *внушительной демонстраціей*, «нѣкоторымъ предпріятіемъ къ движенію», побудить шведскаго короля «возжелать соединиться съ Россіей».

Вотъ почему мы совершенно не раздѣляемъ того нерѣшительнаго оттѣнка, который г. П. А. Ниве, какъ послѣдній изслѣдователь эпохи 1808—1809 гг., видитъ (см. «Воен. Сб.» 1908 года, № 2, стр. 20) въ заявленіяхъ:

1) Алопеуса, объяснивашаго 27-го января (8-го февраля) шведскому королю, что наши военныя приготовленія «*имѣютъ только цѣлью предупредить высадку англичанъ*», и

2) Императора Александра I, указавшаго Стедингу на аудіенціи 4-го (16-го февраля), что военныя приготовленія—«*это мѣры предосторожности противъ ожидаемаго нападенія англичанъ*», и подтвердившаго, что «*Богъ свидѣтель, что Я (Императоръ) не стремлюсь захватить ни одной деревни у васъ (шведовъ)*».

Эти два заявленія, по нашему мнѣнію, являются *не фразами, а безусловно исторической правдой*, что и подтверждается, дѣйствительными фактами, о которыхъ было упомянуто выше.

Въ 1808 г. не Россія готовилась къ войнѣ со Швеціей, а наоборотъ, *Швеція заблаговременно «подготовляла* (такъ называемую) *оборону» противъ Россіи*.

Если въ Швеціи продолжаютъ намъ льстить, увѣряя насъ въ томъ, что мы усердно готовились къ войнѣ, то это только дѣлаетъ честь ихъ проницательности. Намъ же, во имя исторической правды, пора хотя бы къ 100-лѣтію былыхъ событій *признать* безспорнымъ фактомъ—нашу *полную неготовность* не только къ войнѣ, но даже и къ задуманному безкровному «предпріятію»... *за недѣлю до перехода шведской границы*...

Полную противоположность представляютъ приготовленія къ войнѣ со стороны Швеціи. Не находя нужнымъ входить въ по-

дробности, мы ограничимся только слѣдующимъ хронологическимъ перечнемъ ¹⁾:

1) *Въ 10-хъ числахъ января 1808 г.* учреждается особый «тайный военный комитетъ», на который возложена разработка мобилизационныхъ и оперативныхъ соображеній... для встрѣчи «угрожающей опасности».

2) *19-го января* (1-го февраля) уже отдается распоряженіе объ устройствѣ магазиновъ.

3) *22-го января* (4-го февраля) генералу авъ-Клеркеру отправляется *инструкція о мобилизаціи финской арміи*.

4) *22-го января* (4-го февраля) *главнокомандующему* Финляндской арміей графу Клингспору дается уже и королевское *наставленіе «при открытіи войны съ Россіей»*, въ которомъ вполне опредѣленно указывается, какъ надо *«постараться, сколько можно, остановить успѣхи непріятеля»*, причѣмъ главнокомандующему дается и *чрезвычайное полномочіе* по собственному «благоразумію» *рѣшить вопросъ о войнѣ*. Шведскій король предоставилъ это роковое полномочіе, руководствуясь соображеніями по «дошедшимъ свѣдѣніямъ о намѣреніяхъ Россійскаго Императора, которыя *могутъ быть* приведены въ исполненіе съ большею или меньшею поспѣшностію», чего, какъ указывалось въ наставленіи, «нельзя предусмотрѣть», а поэтому главнокомандующему и предоставлялось: *«избрать мѣры какія признаетъ дѣйствительными для достиженія выше изложенной цѣли и для воспрепятствованія непріятелю овладѣть запасами»*...

Такимъ образомъ, Швеція безповоротно рѣшила «открыть войну съ Россіей» еще *22-го января*, т. е. въ то время, когда наши военныя приготовленія едва начали осуществляться, преслѣдуя цѣль демонстративную, но не войну. Сомнѣваться въ безповоротномъ рѣшеніи Швеціи не приходится, такъ какъ въ томъ-же королевскомъ «наставленіи» есть и такое вразумительное указаніе: *«Если же вступленіе непріятеля (т. е. русскихъ) въ предѣлы наши (т. е. шведскіе) воспользуется весной,—въ такомъ случаѣ заблаговременно вы (т. е. главнокомандующій) снабжены будете, сообразно обстоятельствамъ, дальнѣйшими наставленіями»*.

¹⁾ «Шведская война 1808—1809 гг.», ч. 1, стр. 44, 52; графъ П. К. Сухтеленъ «Картина военныхъ дѣйствій въ Финляндіи, въ послѣднюю войну Россіи съ Швеціей въ 1808 и 1809 гг.», стр. 206; см. Королевское наставленіе, которое цитируемъ въ п. 4-мъ и въ заключеніи.

Конечно, шведскіе историки (см. «Шведская война 1808—1809 гг.», ч. I, стр. 43, 50, 53), смягчая значеніе угрозы о возможномъ появленіи Англіи въ Балтійскомъ морѣ «для выручки кого либо изъ своихъ союзниковъ», выраженной, какъ упоминалось ранѣе, въ послѣдней нотѣ Шведскаго короля,—по неизвѣстной причинѣ не могли возстановить *точной* бесѣды послѣдняго съ нашимъ посломъ Алопеусомъ, а потому нашли нужнымъ обобщить ее, отмѣчая и слѣдующее: 1) «Король сообщилъ ему (Алопеусу), что онъ *считаетъ себя вынужденнымъ* отдать распоряженія» о военныхъ приготовленіяхъ въ Финляндіи, причемъ объ этомъ «предполагаетъ официально извѣстить Русское правительство», что «*вооруженія (въ Шведской Финляндіи) преслѣдуютъ только оборонительную цѣль*»; 2) «король отвѣтилъ, что намѣреніе *обороняться, въ случаѣ наступленія, нельзя считать угрозой*»...

Затѣмъ, шведскіе историки (тамъ же стр. 54 и 55), преслѣдуя свою тенденцію, неуклонно создаютъ картину нашей подготовки «для перваго нападенія», опредѣленно утверждая, что въ Финляндіи къ 24-му января (5-го февраля) все было «въ состояніи полнаго мира», а вотъ «*у русскихъ наоборотъ велась энергичная подготовка къ войнѣ*», такъ какъ «дорога въ Фридрихсгамъ была переполнена войсками», при этомъ и «Коленкуръ дѣлалъ все, чтобы *ускорить вторженіе въ Финляндію*». Далѣе, они приводятъ полученный Стедингомъ рескриптъ *25-го января* (6-го февраля) «замѣчательнаго содержанія», по которому видно, что Шведскій король, исповѣдая правильность политики Швеціи, «пораженъ извѣстіями о новыхъ враждебныхъ демонстраціяхъ со стороны Императора», и «недовѣриемъ Россіи», почему и находитъ возможнымъ категорически заявить: «*Это не я оставилъ Императора Россіи, — напротивъ Онъ меня оставилъ*»...

Факты наглядно доказываютъ, что въ 1807—1808 гг. Императоръ Александръ I дѣйствительно вынужденъ былъ предпринять обширныя мѣры, преслѣдуя единую цѣль — «укротить насиліе, учиненное Англіею», и «*дѣйствовать для сохраненія безопасности Имперіи*». Шведскій же король, «прилѣпляясь къ пользамъ Англіи», открывшей наступательное «поведеніе»,—всѣ свои усилія прилагалъ къ тому, чтобы систематически поддерживать *политическое наступленіе* по отношенію къ Россіи, преслѣдуя въ то же время въ военныхъ приготовленіяхъ *въ Финляндіи* какія то *вынужденныя оборонительныя цѣли*. При такихъ условіяхъ Шведская Финляндія, какъ возможная база для англичанъ, пріобрѣтала чрез-

вычайное значеніе, о которомъ создалась цѣлая литература, причемъ всѣми признается, въ сущности то же, что выразительно было подчеркнуто шведскою печатью тотчасъ же послѣ войны 1853—1856 гг., что «эту страну (т. е. Финляндію) могутъ постыдить могущественные враги и оттуда наносить Россіи сильныя удары»¹⁾. Такимъ же врагомъ въ 1808 г. была Англія, обладавшая сильнымъ флотомъ высокихъ преимуществъ, причемъ Императоръ Александръ I убѣжденно считался съ вѣроятностью войны съ нею, что и указывалось въ нашемъ правительственномъ сообщеніи (декларациі) отъ 10-го февраля 1808 г.

Вотъ почему «наружный нейтралитетъ» союзника Англіи, обнаружившаго къ тому же «извѣстную привязанность» къ ней, и выдвинулъ въ первую очередь неотложное рѣшеніе вопроса о дѣйствительномъ географическомъ врагѣ, каковымъ являлась Шведская Финляндія. Императоръ Александръ I, «не сожалься о своей умѣренности», только послѣ «истощенія всѣхъ способовъ убѣжденія», какъ указывалось ранѣе, рѣшается на *безкровное «нѣкоторое предпріятіе къ движенію»*.

Это «предпріятіе» никоимъ образомъ нельзя подравнивать къ войнѣ, какъ запечатлѣлось на страницахъ исторіи, а необходимо безусловно выдѣлить въ самостоятельную главу, составляющую какъ бы предисловіе къ исторіи войны 1808—1809 гг.

Такимъ образомъ, «предпріятіе», являясь логическимъ продолженіемъ политики, было, какъ справедливо подчеркнуто въ нашемъ правительственномъ сообщеніи отъ 10-го февраля 1808 г., всего лишь *простою мѣрою предосторожности*, чтобы понудить Шведскаго короля «рѣшиться безъ всякаго промедленія принять мѣру (возжелать соединиться съ Россіей), которая сохранила бы между обоими государствами тѣсный союзъ и совершенное согласіе».

Не возвращаясь къ нашей, по мнѣнію шведскихъ историковъ, «энергичной подготовкѣ», не позволявшей отважиться даже и на демонстрацію, мы напомнимъ, что наше правительственное сообщеніе, называемое ультиматумомъ, *за три дня до перехода Шведской границы* разсылается къ тому-же по всей Финляндіи, т. е., будущій непріятель предваряется о демонстративномъ значеніи нашихъ дѣйствій.

Мало того, самъ главнокомандующій, графъ Буксгевденъ, въ прокламаціи 10-го февраля 1808 г., обращенной къ «добрымъ со-

¹⁾ См. «Финляндская окрानна въ составѣ Русскаго государства». (Спб., 1906 г.) стр. 4.

сѣдямъ и жителямъ Шведской Финляндіи», объявляетъ, что «мы идемъ не какъ враги, а какъ друзья и покровители», а въ воззваніи къ финскому солдату упоминаетъ о Высочайшемъ повелѣніи — «не давать перваго выстрѣла до тѣхъ поръ, пока не обнаружится къ намъ враждебность».

Принимая все это во вниманіе, намъ вполне понятно будетъ, почему графъ Буксгевденъ до начала «предпріятія» подаетъ мнѣніе — «главное намѣреніе при настоящемъ дѣйствии овладѣть всею Шведскою Финляндіею», а затѣмъ, въ первомъ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи представляетъ не реляцію, а всего только отчетъ, рапортуя 15-го февраля слѣдующее:

«Выступя со ввѣреннымъ отъ Вашего Императорскаго Величества командыванію моему корпусомъ за границу, *первымъ* долгомъ моимъ считаю поднести на Всевысочайшее благоразсмотрѣніе Вашего Величества *о вѣсѣхъ моихъ распоряженіяхъ, которыя мною сдѣланы по случаю продовольствія и порядка въ войскахъ... Войска дошли уже до Борго, распостирая аванпосты отъ границы разстояніемъ около 100 верстъ*»...

Подчеркнемъ кстати, что и заключеніе Михайловскаго-Данилевскаго, отмѣтившаго (см. описаніе войны, стр. 13), что, «вступая въ Финляндію, намѣрены были занять сколько можно болѣе пространства земли», съ нашимъ выводомъ не расходится...

Но почему же наше безкровное по замыслу «предпріятіе» все-таки завершилось войной?

Опредѣленные на эти отвѣты даны уже въ 1832 и 1844 гг. графомъ П. К. Сухтеленемъ и извѣстнымъ «русскимъ инвалидомъ» ген. отъ инф. И. Н. Скобелевымъ ¹⁾.

Графъ Сухтеленъ отмѣчаетъ: «Вступивъ въ предѣлы Швеціи въ Аборфорсѣ, графъ Буксгевденъ *почелъ нужнымъ выслать парламентера, и требовать пріема. Посланный имъ офицеръ встрѣченъ былъ ружейными выстрѣлами. Такимъ образомъ, война объявлена самымъ дѣломъ*».

И. Н. Скобелевъ, какъ непосредственный участникъ, рассказываетъ болѣе обстоятельно такъ: «Оставя границы родной стороны, встрѣтили мы Шведскія войска въ числѣ двухъ гарнизонныхъ или инвалидныхъ ротъ бывшихъ по границѣ на стражѣ. Онѣ соединились въ с. Арціо. Начальникъ съ трубачемъ выѣхалъ на встрѣчу, поговорилъ съ нашимъ полковникомъ, и *тотчасъ очистилъ* поч-

¹⁾ См. «Картину военныхъ дѣйствій въ Финляндіи», стр. 2 и «Переписку и рассказы русскаго инвалида, ч. II, стр. 4.

лезъ... Переночевавъ преспокойно въ Арціо и Аккеройсе, пріобрѣтеніе которыхъ не стоило щепотки табаку, къ вечеру третьяго дня, подошли мы къ с. Арематилло (Ориматила). Здѣсь Шведскій капитанъ менѣе былъ вѣжливъ: онъ не разсудилъ насъ встрѣчать самъ, но, подпустивъ на дистанцію, привѣтствовалъ ядрами, послужившими манифестомъ къ войнѣ и сигналомъ къ бою, о чемъ по сей часъ судили (добавимъ, и судятъ) и такъ, и сякъ»...

Разъ Шведы, получившіе предварительное извѣщеніе о нашихъ безкровныхъ намѣреніяхъ, въ подкрѣпленіе своихъ дѣйствительно существовавшихъ военныхъ приготовленій — издаютъ манифестъ ядрами, объявляя войну самымъ дѣломъ, то естественно, что и наше задуманное «предпріятіе», потерпѣвъ крушеніе, невольнo вступило въ новый чрезвычайный фазисъ, когда мы, по образному выраженію И. Н. Скобелева, «встрепенулись, перекрестились, и три сестры: Честь, Смерть и Слава, съ той же минуты содѣлались нашими спутниками».

16-го марта 1808 г., какъ извѣстно, послѣдовало формальное объ явленіе войны.

А. П. Борисевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

